

**КРАЧУН И КОЛЯДА.
ИСТОКИ СЛАВЯНСКОЙ ТРАДИЦИИ
ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ**

Весьма полезным для этимологов, семасиологов и этнолингвистов является рассмотрение этимологического и культурологического аспектов традиционных славянских геортонимов Крачун-Корочун и Коляда. Аргу-

199

ментация в пользу того или иного этимона чаще всего опирается на культурно-исторические реалии, их наименования, весьма опосредованно отражающие особенности мышления, прагматически ориентированного, симпрактического или логико^дискурсивного типов. Подобная аргументация нередко игнорирует явление изменчивой динамики отношений между языком и мышлением в целом.

Согласно болгарским народным представлениям в Крачун все люди встают до восхода солнца, выводят также и домашних животных на двор, чтобы люди и животные не страдали от судорог ноги (одноименной болезни крачун). Двери и окна домов украшаются зеленью, девушки носят венки на голове и особую наклейку на поясице, чтобы к ним липли парни. В словацкой традиции Крачун - это рождество. Первая новгородская летопись за 1143 г. именует Корочуном пост перед рождеством. Словарь Даля именует карачуном солнцеворот, день 12 декабря, Спиридоньев день, еще в русских в диалекта карачун - это святочный обряд, коляда, предрождественский пост и подобное.

Реконструкция внешней и внутренней форма этого слова намечает лишь самую общую схему фономорфологического уровня и порождения смыслов, отражая не столько некие семантические закономерности, сколько исторически сложившуюся традицию, в которой функционирует то или иное означаемое.

Обратившись к фонологической и морфологической реконструкции слова, исследователь сталкивается с некоторыми противоречиями. Названия народного праздника, связанного с летним и зимним солнцеворотом 8-21 июня или накануне рождества типа Крачун / Корочун известны в болгарском (*крачун, крачьун, Крачунец*), м. б., сербохорватском (*Kracun, kracun, kracun*), словацком (*kracun*), древнерусском (tf,) и русских диалектах (*карачун, карачун*). Составители ЭССЯ реконструируют **когсипь*, производное с суф. *-ипь* от гл. **korciti*, в свою очередь образованного посредством *-Ш* от сущ. **когкъ* [ЭССЯ, 11: 56-58]. Дальнейшее рассмотрение разнообразных рефлексов праслав. **когкъ, *когка* [ЭССЯ, 11:77-80]. Понятия «Рождество», «шаг», «нога» и «обрубок дерева» все же исторически не могут быть разведены в качестве несовместимых омонимичных значений.

Восточно-романские формы вполне могут быть сопоставлены с рефлексами праслав. **когсипь* в разных славянских языках. Но свойственная этим формам специфическая семантика требует дополнительных оговорок в связи с исходным значением, постулируемым в качестве глубинного этимона глагольной формы. Подробный критический обзор всех предлагавшихся этимологии восточно-романских слов представлен в недавней публикации Н. Л. Сухачева [Сухачев 2005:287-288]. Однако самостоятельное рассуждение этого автора о морфологии и словообразова-

тельной модели южно-славянского **кгасун* не слишком убедительны. Едва ли правомерно реконструировать словообразовательный ряд юж.-слав. **кгасьнь* —* вост.-роман. **craciun* и констатировать в дальнейшем обратное заимствование вост.-ром. *Craciun* 'Рождество' славянскими языками [Сухачев 2005: 295- 296].

Ближе к истине словообразовательная модель названий действующего лица или вещи по результату (признаку) действия с суф. *-ун* от соответствующего гл. (т. е. юж.-слав, *крачун* от гл. *крачити* 'шагать'). Имя собственное *Крачун* в таком случае означало бы не 'ногастый', а 'тот, который шагает, делает шаг', ср. *бегун, скакун, пачкун, хпанун, болтун* и проч.

Я бы настоятельно обратил внимание этимологов на альтернативную возможность словообразования: праславянское диалектное сущ. **когсунь* из **kortjunb* (зап.-слав. **кгасунь*, вост.-слав. **когосунь*) от гл. **korteti, *kortiti* 'укорачивать, укоротить, оканчивать' (как некогда проникательно рассуждали Ф. Миклошич и Г. Вайганд). Тут оказывается весьма кстати известное высказывание А. М. Ремизова «Коротит дни Корочун, дней не видать, только вечер и ночь».

Боюсь, что речь в данном случае должна идти не только о контаминации омофонных форм **когсунь ~ *коПжунь*, производных от гл. **korciiti ~ *kortiti* соответственно, но и о первичности именно второй словообразовательной модели (**kortjunb* из **kortiti*). Косвенной иллюстрацией этой возможности могут послужить восточно-романские варианты типа мегле-норум. *crafun, carfun* с одной стороны и молдав. *крэчун*, рум., арум. *craciun*, с другой. Графические варианты могут отражать некоторые фонеморфологические черты заимствованного слова.

Эта этимология ставилась под сомнение на основании того, что праслав. **tj* в юж.-слав. не могло дать *c* [ЭССЯ 11:58]. Ср., впрочем, акустическую оппозицию болг. *къща* и сербохорв. *кућа, кйса*. При этом упускается из виду вполне вероятная неисконность болгарских и сербохорватских слов. Дело в том, что эти формы могут оказаться заимствованными из восточно-романских языков. А вот восточно-романские слова (мегленорум. *crafun, carfun*, рум. *craciun*, молдав. *крэчун*) могли быть заимствованы из старых славянских диалектов словацко-чешской фуппы, в которых можно реконструировать варианты **кгасунь* и **кгасунь* (ср. чеш. *obcina* и *obcina*), восходящие к праслав. **kartjunb*. (ср. мегленорум. *carfun*). Праслав. **kortjunb* имело некий диалектный рефлекс **кгасунь I *кгасунь* (с *-c-* / *-c-* на месте *-tj-*), который и был заимствован в восточно-романские, а затем из них в готовом виде в болгарский и сербохорватский языки.

Место заимствования из диалектов позднего праславянского в восточно-романские, скорее всего, Карпатский регион. Время - после 450 и до 600 г. и. э.

В таком случае и семантическая история слова будет выглядеть совершенно иначе. Славянский концепт *Крачунь* 'короткие дни во время зимнего солнцеворота, короткие ночи во время летнего солнцестояния' тождествен латинскому концепту *Bruma* < **breuima = breuissima (dies)* 'период кратчайших дней в году, зимнее солнцестояние', славянская веселая ночь перед рождеством - латинскому веселому языческому празднику *Brumalia (Saturnalia)*. Переосмысление в связи с гл. *крачити* «шагать» и *крак* «нога» произошло позднее под влиянием обрядности (против болезни ног), возможно только в ареале болгарского языка. Определение первичного значения наименования Крачун как «тот, который укорачивает (дни)» позволяет прояснить и обозначаемое, некую календарную реалию, получившую такое латинское и славянское обозначение.

Зимний солнцеворот, самые короткие дни года (ныне 20-е числа декабря), отмечался орфиками как день рождества Зевса Загрея, сына присно девы Кору, на Крите. Праздник и обряды рождества у всех европейских народов восходят именно к этой критской календарной и обрядовой традиции куретов (т. е. предков-прародителей). Свидетельством

этого единственно верного положения является календарный миф о рождении критского Дня в изложении «Генеалогий» Аполлодора [Аполлодор, 2006:26-27]:

«Крон женился на сестре Рее и, так как Гея и Уран предрекли ему, что он будет лишен власти его собственным сыном, стал поглощать (свои собственные) порождения. Так он проглотил перворожденную Гестию, затем Деметру и Геру, а после них Плутона и Посейдона.

Рассерженная этими деяниями, Рея отправилась на Крит, в то время когда она была беременна Зевсом, и родила его в пещере (горы) Дикты, передала его на воспитание куретам и дочерям Мелиссея, нимфам Адра-стее и Иде.

Они-то и вскармливали его (Зевса) молоком Амалтеи, а куреты в полном вооружении охраняли в пещере младенца, чтобы Крон не услышал голоса сына. Рея же спеленала камень и дала его проглотить Крону как новорожденного сына».

В результате сведения воедино нескольких мифов, выясняются примечательные обстоятельства и особенности обряда архаичного новогоднего праздника [Орфей 2001: 98-102].

Итак, третьего сына безутешная богоматерь Рея родила тайно на горе Ликей в Аркадии, где не падала тень ни от одного существа, в глухую ночь. Она омыла его в реке Неда и передала матери Гее, чтобы та отнесла его на остров Крит и скрыла в Диктейской пещере на Козьем холме. А сама запеленала камень и дала его проглотить Крону-отцу, который долго пребывал в уверенности, что проглотил своего сына Дия.

Уход за младенцем Дием поручили нимфе-козе Амалфее, нимфе-телице Ио и трехликой нимфе Адрастее, являющейся то в облике Ананке, то Дике, то Немесиды и устанавливающей внутри космические и над космические законы. Она также предопределяет круговорот душ. Дия вскармливали медом и молоком Амалфеи вместе с его сводным молочным братом Паном, внебрачным сыном Крона.

Орфический гимн № 15 Зевсу, воскурения -
стиракс.

Зевс много чтимый, несешь ты от зол избавленье, а также —
твердый Закон бытия, приводящий к порядку рассудок.
И потому я к тебе обращаюсь со страстной мольбою:
Царь, твой божественный ум нам внушил почитанье бессмертных:
Геи-праматери, гор, наполняющих гулом пространство;
моря; а также — того, что в себе небеса заключают.

Зевс - громовержец, чей жезл непреклонен; всеобщий родитель,
духом могучий, в тебе — окончанье всего и начало.

О сотрясатель земли, очиститель, исток животворный,
стрелы пускающий, гром повергающий, и плодовитый.

О многоликий, услышь, неустанно тебя призываю.

Дай нам здоровье и мир, и достатка прирост безупречный!

[Пер. А. К. Шапошников, И. А. Евса]

Вокруг золотой колыбели Дия, висевшей на ветке вечнозеленого дерева (чтобы Крон не мог найти его ни в небесах, ни в море, ни на земле), стояли вооруженные куреты, дети Реи. Они били мечами по щитам и бряцали доспехами, чтобы Крон не услышал плача младенца.

Затем Рея превратилась в Идейскую мать и воспитывала Зевса, живя в другой пещере на горе Ида. Так-то Зевс возмужал среди пастухов горы Иды.

По совету Метиды он посетил свою мать Рею и попросил сделать его виночерпием Крона. Что и было осуществлено. Затем Метида посоветовала подмешать в медовый напиток Крона соль и горчицу, превратив его в рвотное средство. Рея достала соль и горчицу, а Зевс подмешал их к напитку. Хлебнув его, Крон сначала изрыгнул камень, а

потом сестер и братьев Зевса. Камень, изрыгнутый из уст Крона, Зевс установил в Дельфах. Этот священный камень называется Омфалом, «Пупом земли».

Из этих мифов следует, что обычай водить шумный хоровод вокруг вечнозеленого дерева восходит к обряду Рождества Дия у критских куретов.

Очевидным образом с рождеством Идеического Дия связано рождество его сына Загрея. Вот как орфическая традиция описывала рождение богоматерью-девой (Корой) бога-сына (Загрея) [Орфей 2001:116-117].

Юная Кора тайно зачала Загрея от Дия Кронида до того, как Аид похитил ее и увлек в свое царство. Родила его она в положенный срок, когда была выпущена по договору между богами из царства умерших на землю, явившись на острове Крите.

Зевс-отец приказал спутникам матери Реи, критским куретам, а также корибантам, сторожить колыбель с младенцем в пещере на горе Ида, выплясывая вокруг него и бряцая оружием, чтобы заглушить крики младенца и скрыть его рождение от ревнивой Геры и ее союзников-титанов.

Враги Дия титаны, подсланные Герой чтобы убить младенца, при-были на Крит. Они выкрасились белым гипсом, чтобы остаться неузнанными, и стали ожидать ночи, когда куреты заснут.

В полночь, когда Персефона и куреты забылись тяжелым сном, полным ужасных сновидений ("белые страсти Кору"), титаны выманили Загрея-младенца из пещеры детскими игрушками: шишками, раковинами, золотыми яблоками, зеркальцами, бабками и клочком белой шерсти.

Когда младенец вышел за пределы охранительной черты, титаны набросились на него. Но он не выказал перед ними детской слабости и, чтобы обмануть их, стал менять свой облик. Сначала он явился им в виде Дия в накидке из козьих шкур, затем в виде Крона, творящего дождь. Потом он превратился во Льва, Коня, Рогатого Змея, Тигра и в Тельца. В этот миг титаны крепко схватили его за рога и ноги, разорвали его на части и принялись пожирать его сырую плоть. Из пролитой крови Загрея проросло гранатовое дерево. Куски его тела, отделенные от костей, титаны сварили в котле и приступили к тайной трапезе.

Когда кровавое пиршество подходило к концу, его прервала явившаяся Афина. Зевс-отец в гневе поразил перунами всех титанов, которые бросились в разные стороны, роняя повсюду части плоти растерзанного Загрея. Рассеяв титанов, Афине удалось спасти только сердце Загрея, вложить его в гипсовую фигуру и вдохнуть в нее жизнь. Таким образом, За-грей обрел бессмертие и способность к последующим воплощениям. Кости растерзанного Загрея-тельца были собраны той же Афиной и погребены в Дельфах.

Бабка Загрея, титанида Рея, в великом горе разыскала куски его тела, составила их и вернула внука к жизни (ср. Орфический гимн № 53)

Орфический гимн № 30

Дионису, воскурения благовонной смолой.

Бурный Дионис, ликующий, грохот повсюду творящий, о первородный и триждыгожденный, владыка безумья, дикий, двурогий, двуликий, в себе две природы сокрывший, плющ изумрудный, неистовый Вакх, восклицающий "эвой!", мальчик трехлетний, титанами пожранный, но возрожденный, гроздь винограда несущий, и в пеплос проросший одетый, я призываю тебя, Эвбулей велемудрый, что Зевсом и Персефой зачат на любовных таинственных ложах: голос услышь мой, исполненный, сладости и упования на благосклонность твою и кормилиц твоих, о, блаженный!

[Пер. А. К. Шапошников, И. А. Евса]

В данном мифологическом материале обнаруживаются все истоки европейских рождественских и новогодних традиций (вечнозеленое новогоднее дерево, елочные

игрушки, маски с переодеванием, праздничное застолье, «звездный аспект» и проч.). К критской же традиции восходит и идея рождественского вертепа (изображения богородицы присно девы (Коры), коровы (Ию), козы (Амалфеи), овцы (Иды), пастухов (идейские пастухи или Дактили) и т.п.).

Праздники и обряды Брумалий и Сатурналий, восходящие к критским, сохранились и в Риме и Константинополе до VII—VIII вв., красочное описание которых встречается даже в таких поздних агиографических памятниках, как Житие Стефана Нового.

Когда римской христианской общиной управлял епископ Телесфор (предположительно между 125-136 гг.), этому популярному языческому празднеству было сознательно противопоставлено празднование Рождества Христова, бывшее сначала календарно подвижным, так как никаких реальных оснований для определения точной даты этого события в иудео-христианской традиции нет. Тем же временем датируется беллетристическое Евангелие от Луки, в котором мифы о рождении Критского Дия и Дия Загрея сознательно были переделаны в истории чудесного зачатия и рождения Иешуа [Лука 1:26-38; 2:6-20] с целью адаптации орфической критской традиции (по правилу: то, что нельзя искоренить, следует возглавить). Отсюда происходят многочисленные «недоуменные места» христианской традиции (богоматерь присно дева, непорочное зачатие, избиение младенцев, вертеп, бегство в Египет и проч.), объяснение которых находится вне самой этой традиции.

Как известно, в румынской фольклорной и обрядовой традиции элементы языческого и христианского происхождения тесно переплетены. Славяне также сохранили множество языческих пережитков, связанных с *Крачуном - Корочуном*. Если и можно говорить о заимствовании славянами концепта *Крачуна* у римлян, то произойти это должно было еще до полной победы иудео-христианской идеологии в империи (правление

205

Юстиниана). Местом подобного культурного и языкового взаимодействия, скорее всего, была бывшая римская провинция Дакия.

Дальнейшее славяно-восточно-романское культурное взаимодействие привело к вытеснению латинского наименования праздника *Brumalia* славянским диалектным *Крачун* в самих восточно-романских диалектах (в отличие, например, от того, что произошло с поздне-латинским названием праздника *Rosalia*, которое напротив вытеснило исконное славянское наименование (восточно-романское *Русалие* «троицын день», «злая фея» дало гфоизводящую основу для русского сущ. *русалка*).

Геортоним *Коляда* имеет, безусловно, праславянское, почти общеславянское происхождение. Сравнительное сопоставление слов разных славянских языков и диалектов позволяет убедительно реконструировать архетип **kolenda*, заимствованный из лат. *Calendae* мн. 'первый день (всякого) месяца'. Праславянское наименование сохраняло, прежде всего, следы языческого значения 'обряд, связанный с началом гражданского года', и лишь вторично приобщилось к празднику христианского рождества. Латинское слово весьма рано распространилось у славян Потисья и Паннонии, о чем писал уже Миклошич [ЭССЯ 10:134-135]. О раннем усвоении этого слова славянами свидетельствует богатство производных (ср. болг. *коледа, коледар, коледарка, коледарче(та), коледник, коледница, коледарски кравай, коледарски питки и венци, коледарски песни, коледу-вам, коледуване, коледисувам* и др.)

Дата введения новогоднего празднования и обрядности известна совершенно точно. Отсчет ведется с январских Календ (с 1 января 45 г. до н. э.), когда начался 1 солнечный год консульства Гая Юлия Цезаря без коллеги (1 год Г. Ю. Цезаря). Этот календарь ввел александрийский софист Сосиген по распоряжению Цезаря, реформировав традиционный римский календарь. В основе летосчисления, которым пользуются сегодня практически во всех странах, лежит календарь, введенный Юлием Цезарем с 1 января 45 года до н. э., и в честь него названный юлианским. Погрешность этого календаря вызвана тем, что в году 365 суток, 48 минут и 46 секунд. Поэтому древним было трудно создать удобный

солнечный календарь, который бы всегда соответствовал временам года. В юлианском календаре эта трудность была частично преодолена: после трех обычных лет по 365 дней следовал високосный год, увеличенный за счет дополнительного дня в феврале. Юлианский календарь и так называемая Цезарианская эра быстро распространились в Римской империи.

Скорее всего, празднества и обрядность римских январских Календ вместе с наименованием были усвоены древними славянами в Среднем Подунавье уже в первые века новой эры, возможно между 100 и 275 гг. Отсюда очевидный языческий характер этой обрядности. Обрядность и

символика римских январских Календ имеет много общего со славянскими, германскими и шотландскими.

Празднование январских Календ (по юлианскому календарю) как Нового года было принято римской церковью только в 353 г., а константинопольской - в 379 г. Но полностью адаптировать этот праздник христианской церкви не удалось. Он так и остался «мирским», «гражданским» Новым годом. Так как в юлианском календаре накапливалась ошибка, в 1582 году папой Григорием XIII была предложена реформа этого календаря. Новый календарь получил название григорианского, или нового стиля, юлианский же календарь стали называть старым стилем.

ЛИТЕРАТУРА

[Аполлодор 2006]: Аполлодор, *Мифологическая библиотека* /Перевод, предисловие и комментарий Александра Шапошникова/ М.: Изд-во Эксмо, 2006, 416 с.

[Орфей 2001]: Орфей, *Языческие таинства. Мистерии восхождения*. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001, 432 с, илл.

[Сухачев 2005]: Сухачев Н. Л., *Семантика слова и его этимология: рум.*

Craciun 'Рождество' // ННСd И mapasa. Сборник статей к 70-летию со дня рождения профессора Л. Г. Герценберга. Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: «Наука», 2005, с. 285-300.

[ЭССЯ]: *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Выпуски 1-33. М., Наука, 1974 -...